

А.В. Келлер

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НЕМЕЦ. ИЗ ИСТОРИИ ТОКАРНОГО ремесла НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОСТРОВИТЯНЕ»

*Исследование подготовлено в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9.*

Анализируется историческая составляющая повести Н.С. Лескова «Островитяне». Н.С. Лесков создает образы немецких предпринимателей и ремесленников. В данной статье под иностранным предпринимателем понимается, как правило, немец: купец, ремесленник, заводчик. Статья написана на стыке истории и литературоведения, что создает «новую оптику» в рассмотрении истории токарного ремесла и межкультурных отношений в коммуникативном поле Петербурга имперского периода.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Санкт-Петербург; Васильевский остров; иностранный предприниматель; иностранный ремесленник; токарное ремесло.

Лев Толстой назвал Лескова писателем будущего [1. С. 3]. Почему – мнения исследователей расходятся. Одни говорят, что он, как «истинно русский писатель», как никто другой глубоко понял «русского человека». Другие считают, что «неукротимый ересиарх» всегда шел «против течений», а значит говорил на не совсем понятном его современникам языке, интонацию которого смогут услышать лишь грядущие поколения [2. С. 5]. Отметим, что Лесков сам применил выражение «неукротимый ересиарх» в статьях «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» [3]. Непонятным же был его наднациональный и межкультурный посыл, который Л.А. Аннинский назвал «межнациональным взаимодействием» [4. С. 217]. Изображение немцев в русской литературе имеет давние традиции. Неоднозначное отношение к ним, череду как отрицательных, так и положительных героев находим в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и многих других писателей. Развитие образа немца прошло длинный путь – от глупого и «самого смешного» фонвизинского Адама Адамовича Вральмана (1781) – «чухонская сова» и «филин треклятый», до доброго толстовского Карла Ивановича Маурера (1852) – первого положительного образа немца в повести-трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (1852, 1854). Карл Иванович состоял более шести лет в учении у сапожного мастера. Попав в Россию, он, как и Вральман, становится учителем. Им последовали Андрей Штольц в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859) и целый ряд героев в «Островитянах» (1866) Н.С. Лескова.

Раскрытию темы иностранцев в России посвящено большое количество специальной литературы, поэтому ограничимся описанием образов немецких предпринимателей и ремесленников в «Островитянах». Отметим, что возможны обращения и к другим европейским национальностям, которые в России долго обозначались собирательным словом «немцы». Находясь именно в этой традиции, автор физиологического очерка «Петербургский немец» (1847 г.) причисляет всех жителей Петербурга иностранного происхождения к разряду петербургских немцев [5. С. 67–71].

Не противореча справедливости такого подхода, автор данной работы под иностранным предпринимателем понимает прежде всего немца: купца, ремесленника, заводчика. Истории немцев Петербурга, переживающей с начала 1990-х гг. бурное развитие, посвящено множество сборников статей и монографий [6–8]. Мы остановимся на специфике токарного ремесла в столице в различных его аспектах – как модного и полезного препровождения времени в высших кругах общества, и как ремесла, доставляющего мастеру и его семье средства к существованию.

История петербургского ремесла и личность Петра I, настоящей страстью которого были ремесла, неразрывны. Образ царя-ремесленника или царя-работника тесно связан со строительством Санкт-Петербурга, армии и военно-морского флота, жизнь и существование которых непосредственно зависели от развития ремесел [9. С. 13, 44–45, 74–146, 262–290]. Став сыном эпохи Просвещения, Петр Великий не был исключением среди европейских монархов. Он освоил такие ремесленные профессии, как плотник, кораблестроитель, кузнец, слесарь, столяр, токар, изучил часовое, граверное, кожевенное дело, пробовал изготавливать бумагу [10; 11. С. 27]. Французский король Людовик XIII (1601–1643) также владел большим количеством ремесел, был неплохим каретником, а кроме того мог управлять лошадьми на месте кучера и был отменным кулинаром [12. С. 77–78; 13].

Не стесняясь учиться «художествам и ремеслам», Петр I охотно брал на себя роль «ученика». Речь идет не только об исторических штампах и политических инсценировках власти и «потентата». Известна крайняя непосредственность Петра I, за которой в данном случае ничего не скрывалось (кроме живого интереса и желания получить практические знания). Задokumentированы факты, по которым можно довольно полно реконструировать личные пристрастия царя, не остававшиеся всего лишь видом свободного времяпрепровождения. Современник царя, Жак Савари де Брюлон (1657–1716), писал о нем: «А понеже намерен был сам мастером и учителем у них быть, во всяких работах и мануфактурах; то для сего высокого намерения сам всему учился, и к мастерам всякого художества собственною особою ходить изволил. С кузне-

цами молотом трудился; с плотниками бревна, брусья, и доски тесал; с кожевниками кожи строгал и, одним словом, все то с неописанным усердием своими Монаршими руками делал» [11. С. 27; 14. С. 21–22; 15. С. 14, 23]. Логично, что и ремесленники Петербурга – чьими руками был создан город – удостоились пристального внимания историков [16; 17; 18. С. 226–242; 19; 20].

С начала XVIII в. статус иностранцев в России резко меняется. Их массовое присутствие, а также радикальный отход Петра I от «русской старины» оставили заметный след в народном сознании, повлияли на образ его восприятия. Согласно широко распространенному мнению современников Петра, его «подменили немцы», конечно же, «на немца». Но кроме отрицательно коннотированных и бытовавших среди населения образов «царя-немца» или «царя-антихриста», позже в литературе утвердился и образ царя-ремесленника, воплощенного в памятнике, установленном в Петербурге на берегу Невы напротив Главного Адмиралтейства. Монарх изображен с засученными рукавами, работающим топором при постройке корабля. Здесь же у подножия можно увидеть другие ремесленные инструменты: циркуль, угол и киянку¹. Этот памятник служит буквальной иллюстрацией выражения А.С. Пушкина о том, что «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [21. С. 408]. Мотив царя-плотника также использовал художник А. Толандер в 1874 г., изобразивший с топором в руке на фоне остова строящегося корабля.

При строительстве города на Неве в «финских болотах», царь-реформатор имел ясное представление о новой столице как о цветущем городе ремесленников: «Желание мое – насадить в столице сей рукомерслие, науки и художества вообще» [22. С. 46]. В связке «наук и художеств» преобладали последние, так как имели прежде всего прикладное значение и отвечали практическим интересам Петра I. Кроме того, к «художествам» относили как технические науки, так «и сложные ремесла, требовавшие больших навыков и длительного обучения» [23. С. 28]. Можно сомневаться в достоверности и точности записок Андрея Нартова, но важен его посыл, не способный исказить главный смысл петровских начинаний и черт характера самого государя. Нартов упомянул слова царя во время работы на токарном станке: «Я должен у моего механика и токарного мастера урок свой кончить» [22. С. 91]². Царский мастер токарных дел – Нартов пишет о том, что, во время своего путешествия по Европе в 1697 г., царь «посещал ремесленников, осматривал работу и рукоделие их» в Кёнигсберге, а в Саардаме «обучался <...> корабельному строению, здесь работал, яко простой плотник, <...> здесь имел знакомство с лучшими рукодельщиками и в часы отдохновения учился токарному искусству» [Там же. С. 2–3]. Токарное мастерство было не только способом зарабатывать себе на жизнь, но и излюбленным занятием многих представителей дворянства, вплоть до императоров и королей. Для любимого занятия Петра I в Летнем дворце был устроен специальный «токарный кабинет» с 27 токарными станками. Первоначально

царь работал на станках из Амстердама и из Франции, позже коллекция пополнялась изделиями собственных мастеров. Петр I особенно любил вырезать предметы из слоновой кости и дерева – именно те предметы, которые изготавливал токарный подмастерье Герман Верман в «Островитянах».

Для Петра I как практика было естественным сравнивать воспитание «нового человека» с обработкой материала на токарном станке: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямыцов» [22. С. 34]. Таким образом, царева токарня была не просто производственным помещением, но являлась экспериментальной лабораторией, важным жизненным пространством царя, где он кроме непосредственной работы на токарных станках, размышлял о новых проектах, обедал и принимал членов правительства с докладами, обсуждал решение государственных проблем, в том числе вопросы «регулярного» ремесленного образования и введения цехов [Там же. С. 35, 53–54]. Известно, что в петровской библиотеке имелось одиннадцать иностранных произведений по токарному искусству. Характерно, что во время месячного пребывания Петра I, конечно, со своим токарным станком и с Нартовым на Истецких железных заводах Миллера в 1724 г., царь собственноручно выковал 18 пудов железа, за что и потребовал платы с заводчика в 18 алтын. На эти деньги он приобрел себе в московских торговых рядах башмаки, «которые, подлинно купя и нося, показывал многим и рассказывал, что выработал он их сам своими руками» [Там же. С. 54–55, 115]. Вероятнее всего, это была обувь голландского производства, которую царь охотно носил.

В начале XVIII в. резьба по кости вошла в моду в Европе, где при многих европейских дворах имелись токарные мастерские: «В этом отношении токарня при дворе [Петра I] придавала личности монарха оттенок рачительного хозяина государства и человека высокой европейской культуры» [23. С. 11–12]. Известно, что царь, находясь в дружеских отношениях с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I, подарил ему в октябре 1718 г. кубок, изготовленный им лично, и доставленный в Берлин «любимым токарем» Петра Андреем Нартовым вместе с токарным или «медальерным» станком, на котором Нартов обучал короля токарному делу [22. С. 60, 123]. Еще один токарно-копировальный станок для «медальерных» работ, подаренный Петром французскому двору в 1720 г., был изготовлен, по-видимому, специально для несовершеннолетнего Людовика XV. Эти станки разных конструкций, разработанные «царскими токарями» Иоганном Блюхером (Еган Блеер), Ф. Зингером, А. Нартовым, Г. Занепенсом, С. Яковлевым, можно увидеть сегодня в Государственном Эрмитаже (12 станков), Летнем дворце Петра I и в Меншиковском дворце в Санкт-Петербурге [24. С. 93–94]. О том, что приращение Петра к токарному ремеслу стало традицией в семье Романовых, свидетельствует учебная комната сыновей Николая I, Николая и Михаила в Эрмитаже. Основу экспозиции в ней составляют станки из придворной токарной мастерской царя-ремесленника: три боковых токарно-копировальных

станка, два медальерных и станок для нарезания зубчатых колес, созданные за период с 1712 по 1729 г. мастерами «токарни». Во времена Анны Иоанновны токарные станки вместе с учениками и мастеровыми были переданы в ведение Академии наук [22. С. XIX].

Образ петербургского немца запечатлен во многих литературных произведениях. В Санкт-Петербурге – любимом детище Петра I – иностранцы чувствовали себя наиболее комфортно (несмотря на всю относительность этого понятия), чем где бы то ни было в России. В «Невском проспекте» Н.В. Гоголь высказался о Петербурге как о «городе, где все или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы». Основная масса иностранных и немецких ремесленников проживала в центральных районах Петербурга: в Адмиралтейской, Литейной и Казанской частях, на Васильевском острове, где жили их потенциальные клиенты из высших и средних городских слоев [25. С. 56–65; 26]. Самой многочисленной среди иностранцев на протяжении всего рассматриваемого времени являлась этническая германская группа. В конце XVIII в. в Петербурге проживало около 19 тыс. немцев³. Эта цифра превосходила население многих немецких резиденций и важных городов того времени, к примеру, Карлсруэ (3 800), Веймара (6 500), Дессау (7 000) или Дармштадта (9 000) и была сопоставима с населением Дюссельдорфа [27. С. 95]. На протяжении всего XIX в. количество немецкого населения Петербурга постоянно росло: с 23 612 в 1816 г. до 45 600 немецко- и русскоговорящих в 1869 г. и превысило 50 тыс. человек в 1900 г. [25. С. 182; 28. С. 194], что соответствовало населению среднего города в Германии. В XX в. прусский миф позволил сформировать наиболее яркий образ немца как Чужого-Врага в сознании советских людей во время Великой Отечественной войны [29]. В XIX же веке великое разнообразие немецкоязычных государств в Германии накладывало свой отпечаток на гетерогенности немецкой диаспоры в России. Наличие балтийских немцев, поволжских и иных колонистов, как российских подданных, так и имперских, прусских и других немцев осложняло их восприятие как единого этноса [30. С. 11]. В Петербурге в XIX в. находилось множество немецких консульств и торговых представительств [31. С. 258].

Иностранные и немецкие ремесленники, проживавшие в основном в центральных районах города, действительно часто бросались в глаза. В 1825 г. среди 965 мастеров иностранной ремесленной управы примерно одну треть составляли немцы. Самыми многочисленными были булочники (112), портные (165), ювелиры (106), столяры (75), шорники (65), кузнецы (48), сапожники (45), колесники (36) и часовщики (30) [32. С. 237; 33]. В немецких цехах Петербурга в 1832 г. насчитывалось 3 605 мастеров, среди них 761 прусских подданных, 1 365 немецких подданных из других государств и 217 австрийцев, или 65% немецкоязычных ремесленников среди иностранцев. Им следовали шведы (349), датчане (268), швейцарцы (179), англичане (172), французы (143), поляки (75), итальянцы (39), голландцы (34), четыре испанца и два грека [34].

Уже задолго до Лескова наиболее часто встречающимся образом иностранца в русской литературе, если речь заходила о Петербурге, был образ немца. А.С. Пушкин в рассказе «Гробовщик» показывает сапожника Готлиба Шульца и его друзей, немецких булочника и портного, в «Пиковой даме» – Германа. В романе в стихах «Евгений Онегин» аккуратный немецкий хлебник в бумажном колпаке отворяет свой васьдас⁴. «Невский проспект» Н.В. Гоголя населен рядом немецких персонажей. Это и столяр Кунц, и сапожник Гофман, и жестяных дел мастер «благородный» Шиллер, желавший, чтобы ему отрезали нос, так как ввиду своей скупости он не хотел тратить даже на дешевый русский табак. Но эти герои существуют в жестко заданных рамках, которые они не покидают, следуя своим шаблонам, в противном же случае погибают, так как нарушают границы, прописанные культурным кодом. Это анекдотичные, курьезные, «комические» персонажи, комичность которых находит высшую точку в образе пьяного немца, как в «Невском проспекте», или во множестве театральных пьес XIX в.

Первым писателем, обратившим пристальное внимание на этнокультурные аспекты инаковости и создавшим образ немецкого предпринимателя в многочисленных сюжетах своих произведений, стал Н.С. Лесков. Это его «Островитяне» (1866), «Железная воля» (1876), «Левша» (1881), «Колыванский муж» (1888) и др. Новизна взгляда писателя заключалась в отказе от жестко заданных шаблонов, смене перспектив между автором произведения, фигурой рассказчика и его остальными героями, за счет чего создается размытая граница между «своим» и «чужим». За счет производимого эффекта, «свое» и «чужое» могут поменяться местами или характерными признаками, благодаря чему создается особая диалоговая культура с коммуникативным полем в поликультурном пространстве [35. С. 5–28].

Л.А. Аннинский относит особенность текстов раннего периода писателя, их «общеευропейский», «общечеловеческий» формат, к недостаткам: «в этих романах нет ощущения... “русскости”. “Иностранности” много». Автор считает, что это нечто промежуточное на пути к истинно «русским» темам, а в «Островитянах» «намечена, конечно, будущая коллизия “Железной воли” – очень отдаленно» [4. С. 114]. «Да», если рассматривать главным внутренним движением Лескова поиск «русскости» и «русского начала». «Нет», если главным в его исканиях мы признаем прежде всего сократовское вопрошание к мудрости и человечности: познай самого себя – смотрясь в зеркало русского, немца, татарина. Именно в этом контексте становится понятным, почему же Лесков ищет и находит праведников не только среди русских, но и среди немцев, англичан... Это и есть главная особенность романов Лескова, контрапункт его исканий: «русскость», приобретающая глобальные масштабы в своей общечеловечности и вбирающая в себя и немца, и итальянца, и француза.

Как далеки были эти искания от того, что настоящему волновало общественность в те годы, доказывает следующий факт: «...и молодые, и старые

участники событий готовились решить между собою *практический вопрос*» [4. С. 22–23]. И если «немцы – предмет постоянных раздумий Лескова. Всю жизнь» [Там же. С. 217], то это не только о них. И не столько высмеивание, сколько попытка выстроить множество контекстов и личностных типов – от смешных до трагических. «Самый русский» писатель, являясь еще и русским европейцем, пытается решить неразрешимую для своего времени задачу: соединить европейское и русское, понять, сколько «европейского» и сколько «русского» в «русском человеке». Для этого создается коммуникативное поле, в котором он экспериментирует и *сводит* русских и немцев (англичан, поляков, татар, французов, чехов и т.д.), чтобы посмотреть, как они уживаются, что происходит с «национальными чертами», характерами, поведением, культурой. Он пытается нащупать и определить сущность «европейскости» и «русскости», чем они характеризуются и что с ними происходит при межкультурной интеракции. Растворяется ли последнее, преобразуется, деформируется, модифицируется? Не противопоставляя как в «Железной воле» два несовместимых начала: немецкое и русское, железное и мягкое – топор в тесте, а смешивая и пробуя как средневековый алхимик: в европейский коктейль – щепотку русского, в русский квас – европейских специй. Но даже не это главное. Лейтмотивом через все произведения Лескова проходит образ философа, вопрошающего и ищущего Человека и общечеловеческое в людях любой национальности. Поэтому Лесков одновременно и свой, и чужой для его современников, искавший русское в общечеловеческом, и общечеловеческое в русском.

После катастрофы с романом «Некуда», где Лесков критикует «прогрессивную молодежь» в образе нигилистов, и объявленного Д.И. Писаревым весной 1865 г. бойкота [4. С. 110, 118], писатель продолжает искать *европейскую* альтернативу нигилизму. В «Островитянах» Лесков остается в столичном пространстве «чиновного, беспочвенного Петербурга», из которого «вот-вот хлынут “нигилистические” идеи...» [Там же. С. 119]. Но и здесь он показывает на примере василеостровских немцев, что есть иная «культурная, цивилизованная» Европа, показывающая пути постепенного (отсюда *постепенчество*) эволюционного развития, альтернативного революционному и насильственному.

Действие в повести «Островитяне», в котором участвуют немецкие ремесленники и «негоцианты», разворачивается на Васильевском острове в Санкт-Петербурге в 1862–1866 гг., где находилось одно из первых средоточий поселения первых немецких эмигрантов в городе [36]. Тем самым наблюдения Лескова, хорошо знавшего эту среду, важны и как наблюдения квазиэтнографа-культуролога, живо интересовавшегося не столкновением, но встречей культур. Писатель запечатлел срез жизни семьи петербургских немцев, оставив своим литературным произведением точный слепок их духовно-эмоциональной, повседневной жизни. Для семьи российских немцев Норк, насчитывающей по меньшей мере три поколения, российская столица стала домом уже много десятилетий назад. Но в отличие от прежних героев-немцев,

здесь у Лескова присутствует целая портретная галерея как петербургских, так и «немецких» немцев в Пруссии. Причем первые обладают полными личностными характеристиками и ко многим из них чувствуется симпатия автора как к «своим» немцам, в то время как прусские немцы скорее отталкивают и наделены стандартными негативными качествами, в том числе нелюбовью и высокомерием по отношению к русским и России.

Среди «островитян» автором выделены немецкие персонажи с «особым выражением лица», в судьбе и характере которых сказывается влияние русской культуры. Это «интегрированный» негоциант Фридрих Шульдц, сознательно стремящийся во всем «руситься», и его жена Берта Норк. Билингвальная «ассимилированная» Маничка Норк, страстно любящая русскую литературу, которую в Германии называют «русской», и «маргинализованная» Ида Норк, напоминающая повествователю дочь русского сельского священника. Эти персонажи в различной степени вобрали в себя «код» русской культуры. Также здесь присутствуют русский художник Роман Прокофьевич Истомин в роли искусителя Мани, рассказчик с Украины в роли друга семьи Норков и прусский кузнец-гернгутер (Богемские братья) Роберт Бер, ставший первым в ряду лесковских праведников. Почему, объясняет сам Лесков: «Если без трех праведных <...> не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель? <...> и пошел я искать праведных <...>» [2. С. 160–161]⁵. То есть центр всех исканий писателя лежит не в «русскости» или «немецкости», а в душе каждого.

Одним из решающих критериев для Лескова является отношение к труду, причем в описании главы семейства Норков писатель собирает весь «букет немецких качеств». Иоганн-Христиан Норк – отец семейства, умерший много лет назад, «был по ремеслу токарь, а по происхождению петербургский немец. Он был пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный» [37. С. 9]. После сорока лет «неусыпного труда» немец-ремесленник оставил Софии Карловне Норк «три тысячи рублей серебром государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведение». Не менее предприимчивая София Норк, обладавшая удивительной неутомимостью, кроме продажи и приема заказов на токарные изделия в магазине, занималась починкой зонтов [Там же. С. 9].

Примечательно, что перечисленные черты характера мастера Норка и его жены становятся воспитательным канонем складывающейся российской педагогики. На примере «Тарантаса» (1840, 1845) графа В.А. Соллогуба видно, как «в задачи воспитания начинало входить формирование таких качеств, как трудолюбие, целеустремленность, системность в приобретении полезных знаний», приписывавшиеся ранее исключительно немцам. Такие «протестантские добродетели», как «вечная настойчивость, вечный терпеливый труд с самого младенчества, в течение целой жизни», основательность и последовательность начинают входить в этический канон россиянина средней руки [38]. Лесков

следует в «Островитянах» национальной традиции в описании типичных черт немецкого характера: трудолюбие, честность, добропорядочность. Но в поиске новых форм у Лескова эти непреодолимые границы в характерах если не исчезают, то стираются до незначительных размеров, превращающиеся в среднестатистическую величину. Напрашивается сам собой вывод, что в каждом «народном характере» есть и черты трудолюбия, и храбрости, и честности, и лени, только распределены они в разной пропорции и могут проявляться по-разному. Благодаря этому «непреодолимые культурные границы» между «Россией и Европой», продекларированные, к примеру, Ф.М. Достоевским [39. С. 287], диалектически преодолеваются у Лескова в одновременно созданном и отображенном коммуникативном пространстве Петербурга. Немцы и «чужое», защитой от которого раньше служила ирония, становятся серьезным и полноценным партнером в диалоге [40].

Особый интерес среди героев представляет подмастерье умершего Иоганна-Христиана Норка – Герман Верман, ставший для Манички практически вторым отцом. Среди немецких ремесленников был распространен обычай, когда после смерти мастера его подмастерье женился на вдове и перенимал ведение мастерской. В данном случае этого не произошло, но мы видим, как по-отечески тепло и с любовью как к своей дочке, относится Верман к Маничке. Он как полноценный член семьи дарит ей на день рождения игрушечный «необыкновенно искусно сделанный швейцарский домик, с слюдовыми окнами, балкончиками, дверьми, загородами и камнями на крыше» [37. С. 46]. Это дает нам ключ к пониманию того, на каких продуктах, возможно, специализировалась мастерская Норков – на изготовлении так называемых нюрнбергских игрушек: свистулек, дудок и барабанов, кеглей, колясочек, ружей и многого другого одной из области производства токарей по дереву [41. С. 30]. Кроме того, к основным изделиям данной ремесленной профессии относились прялки, катушки, краники для винных и пивных бочек, ножки для столов и стульев, предметы декора, кегли и кегельные шары, мундштуки для табачных трубок и кальянов, трости, вплоть до шахтных машин спуска-подъема груза с использованием цилиндра для навивки каната [Там же. С. 30].

Образ Германа Вермана заставляет рассказчика вспомнить «коренасто[го], малоросло[го] германско[го] дикар[я], который въ венскомъ музее стоит перед долговязым римлянином» [37. С. 134]. Заметим, что Верман – это не немецкий манекен на ходулях, а человек, живущий в мультикультурной среде. Он не чужд долгих загулов и русской бесшабашности. Во время майских Екатерингофских гуляний Верман имел обыкновение переплывать Неву на Васильевский остров в ее устье, что было занятием самоубийственным, если учесть ширину реки в этом месте, достигающую до 1 200 метров, ледяную воду и быстрое течение. Это «увлечение» стало в конечном итоге причиной его гибели.

Вышедшая в 1866 г. в свет повесть-роман «Островитяне» остался полузамеченным и непонятым современниками. Этой несозвучности времени противостоит попытка создания этнокультурной полифонии.

Время Лескова «глухо» к ней, так как не выработалось еще глоссария для этого явления. Слишком категорична эпоха, в которой он живет, требующая бескомпромиссной определенности и окончательного решения наболевшего *практического социального вопроса*. Новое качество этого произведения заключается в том, что петербургский немец, это уже не «чисто» русский и не «чисто» немецкий культурный тип. Именно такое видение Лесковым «немецкой» темы сильно контрастировало с интеллектуальным мейнстримом второй половины XIX в., в отличие от которого у писателя преобладает неполитизированное и гуманистическое обращение к читателю, если он апеллирует к диалогу как к форме сосуществования культур. Писатель не ослеплен идолом национальной идеи. Его главная духовная потребность – «единство рода человеческого» [42. С. 331].

Поэтому Лесков ищет пути мирного сосуществования различных культур, выступая в роли коммуникатора [39. С. 287], убирающего межкультурные границы и создающего поликультурное пространство, в котором социокультурные поля накладываются друг на друга, рождая оригинальные типы петербургской повседневности. Островитяне, пожалуй, первый и последний опыт такого рода, где наиболее многогранно выстраивается многослойное поликультурное коммуникативное поле. Лесков, критически наблюдающий человека в его «русскости», «немецкости» и иных этнокультурных контекстах, любит Россию и человечество (Европу). Не давая однозначных ответов, Лесков признавался: «...в моих рассказах действительно трудно различать между добром и злом» [43. С. 352]. А по поводу сюжета «Левши» ответил критикам, что «принизить русский народ или польстить ему» никак не входило в его намерения [44. С. 503]. То же с полным правом можно сказать о сюжете с василеостровскими немцами, где Лесков не ставит себе задачи высмеять немцев, как это подчеркивается в большинстве исследований, посвященных его творчеству.

Лесков, выражаясь современным языком, разрабатывает концепцию мультикультурного коммуникативного пространства, а заодно и его язык. Он не столько отражает действительность, сколько показывает идеально-типическую модель взаимодействия культур и различные жизненные сценарии, находящиеся в межи или даже в наднациональном пространстве. Микро-разломы и тектонические сдвиги в русской жизни, выражавшиеся в настроениях умов, улавливались писателем как сейсмографом эпохи и трансформировались в литературных текстах и героях. Панславизм, пангерманизм, пантюркизм – эти супранациональные идейные концепты вели к столкновению цивилизаций, описываемому Самюэлем Хантингтоном, к великим потрясениям XX в., начавшимся с Первой мировой войны⁶. «Тревожно вслушивается Лесков в этот шум, в этот рев, в этот глас народного чрева – в буйное веселье московских крепких домов, где обитают “люди древнего письма”, откуда-то из древней Московии проросшие в эту жизнь сквозь петровский свежесвеженный плац» [4. С. 68]. Вслушиваясь в этот гул, писатель интуитивно нащупывал путь к разрешению данной наци-

ональной теоремы, основополагающим принципом которой в отношении России можно назвать единство в многообразии культур.

Петровские преобразования и строительство Санкт-Петербурга создали ту уникальную среду, то коммуникативное пространство, в которых происходил интенсивный обмен между различными формами опыта. Работа русских и иностранных ремесленников зачастую бок о бок в мастерских, а предпринимателей в совместных проектах, привели к появлению новых социальных практик, практик труда и новых техноло-

гий. Немецкие ремесленники и предприниматели попадали в российской столице, связанной тысячами нитей с их исторической родиной, в привычную им среду крупного европейского города, позволявшую при благоприятных обстоятельствах быстро адаптироваться в новых условиях. Расцвет ремесленного и токарного искусства в северной столице не случаен. Ведь таким благоприятным условием было покровительство самого императора, которому остались верны все последующие поколения вестернизированной элиты имперского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первоначально установлен в 1910 г. Скульптор Леопольд Адольфович Бернштам. Повторно – в 1996 г. Этот памятник подарен городу Санкт-Петербургу Королевством Нидерландов и открыт Его Королевским Высочеством Принцем Оранским.
- ² Нартов проходил до 1712 г. первоначальное обучение в токарной мастерской в Сухаревой башне у Иоганна Блюхера. В 1712 г., когда старший токарь, конструктор и строитель токарных станков Блюхер умер, станки были переданы его ученику, переведенному в этом же году в Петербург [23. С. 10–11].
- ³ Это немцы евангелическо-лютеранского и римско-католического вероисповедания. Кроме того, имелось большое число обрусевших немцев, живших в смешанных браках.
- ⁴ Вопрос на нем.: Was ist das? Что это?; Небольшое окно, встроенное в раму, открывавшееся на улицу для продажи хлебобулочных изделий.
- ⁵ Из предисловия сборника «Праведники», вышедшего 2-м томом собрания сочинений в 1889 г.
- ⁶ О формировании образа врага-немца во время Первой мировой войны (см.: [45]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М. : Современник, 1981. 302 с.
2. Дыханова Б.С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. М. : Худ. лит., 1980. 174 с.
3. Новости и Биржевая газета. 1883. № 1 (1 апреля); № 3 (3 апреля).
4. Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. 2-е изд., дополненное. М. : Книга, 1986. 302 с.
5. Петербургский немец. Физиологический очерк // Иллюстрация. 1847. Т. 5, № 29. 9.8.1847. С. 67–71.
6. Дальманн Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России: петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche : сб. ст. / РАН; С.-Петерб. науч. центр; Ин-т истории естествознания и техники; С.-Петерб. фил. и др.; отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. С. 156–163.
7. Юхнева Н.В. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская; ред.-сост. Г.И. Смагина. СПб., 1998. С. 56–68.
8. Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Essen, 1995. 288 s.
9. Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб. : Д. Буланин, 2003. 363 с.
10. Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 2. С. 385–405.
11. Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб. : Питер, 2009. 446 с.
12. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М. : Молодая гвардия, 2007. 332 с.
13. Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 1. С. 198–218.
14. Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о коммерции / пер. с фр. С. Волочков. [СПб.]: [Тип. Акад. наук], [1747]. 58, 937, 52 с.
15. Кошелева О.Е. Государство как наставник: воспитательные образцы для просвещенного россиянина XVIII в. // Вопросы воспитания. Январь–март 2011. С. 78–90.
16. Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. — Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568.
17. Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике : материалы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории, 13–14 дек. 1972 г. / ред. коллегия: Н.Е. Носов (отв. ред.) [и др.] Л., 1975. С. 78–89.
18. Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. : ОГИ, 2004. 486 с.
19. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века. М., 1960. 200 с.
20. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a., 2002. 601 s.
21. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М. : ГИХЛ, 1959–1962. 589 с.
22. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. 138 с.
23. Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов, 1693–1756. Л. : Наука, 1969. 166 с.
24. Борисов В.П. Токарные искусства Петра Великого // Природа. 2004. № 7. С. 93–94.
25. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. 223 с.
26. Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. 160 с.
27. Bosse H. Die Etablierung des deutschen Theaters in den russischen Ostseeprovinzen um 1800 // Unerkannt und (un)bekannt. Deutsche Literatur in Mittel- und Ost-Europa (Beiträge zur deutschen und vergleichenden Literaturwissenschaft 5). Tübingen 1991. 387 s.
28. Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920. Wiesbaden 1986. (Veröffentlichungen des Osteuropa Instituts München, Reihe: Geschichte, Bd. 54). 307 s.
29. Приказчикова Е. Политические и национально-культурные аспекты прусского мифа в контексте российско-германских отношений XX в. // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 172–198.
30. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 383 с.
31. Amburger E. Die Konsulate der Freien Stadt Frankfurt, Kurhessens, Hessen-Darmstadts und Nassaus im Russischen Reich // Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußlands. Wiesbaden, 1982. 326 s.
32. Шредер Ф.А. Новейший путеводитель по С.-Петербургу». СПб., 1819. 245 с.

33. Российский государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 2. Д. 435. Л. 5: Список Московской ремесленной управы.
34. Заблочкин-Десятовский А.П. Статистические сведения о Санктпетербурге. Т. 1–2. СПб., 1836. Т. 2, таблица 25, 26. 79 л.
35. Заварзина (Данилова) Н.Ю. Диалог культур и диалог книг в повести Лескова «Островитяне» // Лесков Н.С. Островитяне: Повесть. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. С. 5–28.
36. Маркаде Ж.-К. Творчество Н.С. Лескова. Роман и хроники / пер. с фр. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. СПб.: Академический проект, 2006. 477 с.
37. Лесков Н.С. Островитяне // Полное собрание сочинений. 3-е изд. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902. Т. 12. 194 с.
38. Редин Д.А. Как воспитывали Ивана Васильевича (повесть В. А. Соллогуба «Тарнатас» и проблемы дворянского воспитания в русской художественной прозе первой половины XIX в.). – Доклад, сделанный на конференции в Страсбурге 28–29 сентября 2016 г.: «Interpreting Modernism in Literary Texts».
39. Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации, 1998 / отв. ред. Арон Я. Гуревич. М.: Наука, 1999.
40. Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): ... автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
41. 48 Werkstätten von Handwerkern und Künstlern oder Schauplatz des bürgerlichen Gewerbetriebs. 2. Aufl. Zürich: Verlag von F. Däniker, 1853. 168 s.
42. Зенкевич С.И. Немцы в изображении Н. С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование [сб. ст.] / [отв. ред. Г.И. Смагина]. СПб.: Изд. Росток, 2005. С. 331–338, 637 с.
43. Новь. 1886. № 7.
44. Бухштаб Б.Я. Примечания // Н.С. Лесков. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1958. Т. 7.
45. Porshneva O. Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 79–93.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 декабря 2019 г.

A German From Petersburg. From the History of the Woodcarver Craft on the Example of Nikolai Leskov's *The Islanders*
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 124–131.

DOI: 10.17223/15617793/451/16

Andrei V. Keller, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: keller26000@gmail.com

Keywords: Nikolai Leskov; Saint Petersburg; Vasilyevsky Island; foreign entrepreneur; foreign craftsmen; woodcarver craft, r/Russification.

Literary works can be considered to be the “pulse of an epoch”, the measure by which we can judge about the “social opinion” or even the “intensity of emotion” surrounding certain issues, such as foreigners in Russia. Nikolai Leskov's work offers us a rich material for research into the subject of foreign entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th century. Stories such as *The Islanders* and many others make clear the multi-sided and contradictory relationship which the author had with the themes of intercultural communication and adaptation to new cultural and social practices. The aim of this article is to show the development of turning as a craft in St Petersburg in the eighteenth and nineteenth centuries. In order to achieve this aim, the author considers the position of this craft in Russia via the example of Andrei Nartov, a turner who worked during the reign of Peter the Great, and the social status of a German turner in Petersburg in the middle of the 19th century. The methodology of the article is based on the comparative analysis of various historical sources, such as contemporary testimony and literature. The analysis of the story *The Islanders* can help determine more precisely the national question in Leskov's oeuvre and thus reach a deeper understanding of the social position of German turners in St. Petersburg. The problems of this research field are the following. There is an extremely limited number of sources on the history of turning in St. Petersburg, as a result of which researchers are compelled to turn to indirect sources from related spheres of knowledge. As such, turning in the Russian capital is considered in its various aspects, both as a fashionable and useful “hobby” for aristocrats in Russia and Western Europe and as a professional craft skill used by craftsmen to support themselves. The source base of this research is constituted by documents kept in the Russian State Historical Archive (Fund 18, List 2, File 435, Page 5). These include a list created by the Moscow Trades Board which contains statistical data about Petersburg craftsmen, Nartov's notes, and the evidence of the contemporaries. In the course of this research, the author has reached the following conclusions. (1) With the modernising reforms of Peter I, turning reached a new level of quality. It not only maintained its utilitarian character, but also became a technical art. (2) This process occurred with the active cooperation of foreign craftsmen. This is clearly visible both in the selection of turners for Peter the Great's lathing workshop and also in the mixed composition of Russian workshops, in which a large number of foreigners worked: they were mostly Western European by descent. (3) A side conclusion of this article regards Leskov's intensive axiological search as seen in the descriptions in *The Islanders*. The axioms the author discovered relate not to the “Germanness” and “Russianness” of this story's characters, but rather to the definition and realisation of general human qualities, constructive intercultural exchange, and the peaceful co-existence of different cultures.

REFERENCES

1. Semenov, V.S. (1981) *Nikolay Leskov. Vremya i knigi* [Nikolai Leskov. Time and Books]. Moscow: Sovremennik.
2. Dykhanova, B.S. (1980) “*Zapechatlenny angel*” i “*Ocharovanny strannik*” N.S. Leskova [“The Sealed Angel” and “the Enchanted Wanderer” by N.S. Leskov]. Moscow: Khud. lit.
3. *Novosti i Birzhevaya gazeta*. (1883) 1 (1 April); 3 (3 April).
4. Anninskiy, L.A. (1986) *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's Necklace]. 2nd ed. Moscow: Kniga.
5. *Illyustratsiya*. (1847) Peterburgskiy nemets. Fiziologicheskii ocherk [A Petersburg German. Physiological Essay]. 5 (29). 9 August. pp. 67–71.
6. Dal'mann, D. (1999) Peterburgskie nemtsy v XVIII stoletii: krest'yane, remeslenniki, predprinimateli [Petersburg Germans in the 18th Century: Peasants, Artisans, Entrepreneurs]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy v Rossii: peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche* [Germans in Russia: Petersburg Germans]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 156–163.
7. Yukhneva, N.V. (1998) Nemtsy v mnogonatsional'nom Peterburge [Germans in the Multinational Petersburg]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Destinies]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 56–68.
8. Busch, M. (1995) *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag.
9. Anisimov, E.V. (2003) *Yunyy grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [A Young City. Petersburg Since the Time of Peter the Great]. St. Petersburg: D. Bulanin.

10. Binney, M. (2017) Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire. *Quaestio Rossica*. 5 (2). pp. 385–405.
11. Anisimov, E.V. (2009) *Petr Velikiy. Lichnost' i reformy* [Peter the Great. Personality and Reforms]. St. Petersburg: Piter.
12. Glagoleva, E. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii v epokhu Rishel'e i Lyudovika XIII* [Everyday Life in France in the Era of Richelieu and Louis XIII]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Petrukhintsev, N. (2017) Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century. *Quaestio Rossica*. 5 (1). pp. 198–218. (In Russian).
14. Savary des Brulons, J. (c. 1747) *Ekstrakt Savariyeva leksikona o komertsii* [Extract of Savary's Lexicon on Commerce]. Translated from French by S. Volochkov. [St. Petersburg]: [Tip. Akad. nauk].
15. Kosheleva, O.E. (2011) Gosudarstvo kak nastavnik: vospitatel'nye obrazy dlya prosveshchennogo rossiyana XVIII v. [The State as a Mentor: Educational Models for the Enlightened Russian of the 18th Century]. *Voprosy vospitaniya*. January–March. pp. 78–90.
16. Gaysinovich, A.I. (1931) Tsekh v Rossii v XVIII v. [Workshops in Russia in the 18th Century]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd. Obshchestvennykh nauk*. VII. pp. 523–568.
17. Kopanov, A.I. (1975) [Artisans of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. Nosov, N.E. et al. (eds) *Remeslo i manufaktura v Rossii, Finlyandii i Pribaltike* [Craft and Manufactory in Russia, Finland and the Baltic States]. Proceedings of the II Soviet.-Finnish Symposium on Socioeconomic History. 13–14 December 1972. Leningrad: Nauka. pp. 78–89. (In Russian).
18. Kosheleva, O. (2004) *Lyudi Sankt-Petersburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of the St. Petersburg Island of Peter's Time]. Moscow: OGI.
19. Polyanskiy, F.Ya. (1960) *Gorodskoe remeslo i manufaktura v Rossii XVIII veka* [Urban Craft and Manufactory in Russia in the 18th Century]. Moscow: Moscow State University.
20. Keller, A. (2002) *Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914*. Frankfurt a. M. u.a.: Peter Lang.
21. Pushkin, A.S. (1959–1962) O nichtozhestve literatury russkoy [On the Insignificance of Russian Literature]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Vol. 6. Moscow: GIKhL.
22. Nartov, A.K. (1891) Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo [Memorable Narratives and Speeches of Peter the Great]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*. 67.
23. Zagorskiy, F.N. (1969) *Andrey Konstantinovich Nartov, 1693–1756*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
24. Borisov, V.P. (2004) Tokarnye khudozhestva Petra Velikogo [Turning Art of Peter the Great]. *Priroda*. 7. pp. 93–94.
25. Yukhneva, N.V. (1984) *Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga* [The Ethnic Composition and Ethnosocial Structure of the Population of St. Petersburg]. Leningrad: Nauka.
26. Yukhneva, N.V. (ed.) (1989) *Peterburg i guberniya. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the Province. Historical and Ethnographic Studies]. Leningrad: Nauka.
27. Bosse, H. (1991) Die Etablierung des deutschen Theaters in den russischen Ostseeprovinzen um 1800. In: Gottmann, Carola L. (Hg.) *Unerkant und (un)bekannt. Deutsche Literatur in Mittel- und Ost-Europa*. Beiträge zur deutschen und vergleichenden Literaturwissenschaft 5. Tübingen: Francken.
28. Amburger, E. (1986) *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Veröffentlichungen des Osteuropa Instituts München, Reihe: Geschichte, Bd. 54. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
29. Prikazchikova, E. (2015) Political and National-Cultural Aspects of the Prussian Myth in the Context of Russia-Germany Relations of the 20th Century. *Quaestio Rossica*. 2. pp. 172–198.
30. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
31. Amburger, E. (1982) Die Konsulate der Freien Stadt Frankfurt, Kurhessens, Hessen-Darmstadts und Nassaus im Russischen Reich. In: Zernak, K. (Hg.) *Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußlands*. Wiesbaden: Franz Steiner.
32. Schroder, F.E. (1819) *Noveyshiye putevoditel' po S.-Peterburgu* [The Latest Guide to St. Petersburg]. St. Petersburg: pech. pri 1-m Kadetskom korpusse.
33. Russian State Historical Archive. Fund 18. List 2. File 435. Page 5. *Spisok Moskovskoy remeslennoy upravly* [List of the Moscow Craft Council].
34. Zablotskiy-Desyatovskiy, A.P. (1836) *Statisticheskie svedeniya o Sanktpeterburge* [Statistical Information About St. Petersburg]. Vol. 2. St. Petersburg: v Guttenbergovoy tip.
35. Zavarzina (Danilova), N.Yu. (2009) Dialog kul'tur i dialog knig v povesti Leskova "Ostrovityane" [Dialogue of Cultures and Dialogue of Books in Leskov's Story "The Islanders"]. In: Leskov, N.S. *Ostrovityane: Povest'* [The Islanders: A Story]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Azbukaklassika". pp. 5–28.
36. Marcade, J.-C. (2006) *Tvorchestvo N.S. Leskova. Roman i khroniki* [N.S. Leskov's Oeuvre. Novel and Chronicles]. Translated from French by A.I. Popova, E.N. Berezina, L.N. Efimov, M.G. Sal'man. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
37. Leskov, N.S. (1902) *Ostrovityane* [The Islanders]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 12. St. Petersburg: Izd. A.F. Marksa.
38. Redin, D.A. (2016) Kak vospityvali Ivana Vasil'evicha (povest' V. A. Solloguba "Tarnatas" i problemy dvoryanskogo vospitaniya v russkoy khudozhestvennoy proze pervoy poloviny XIX v.) [How They Brought up Ivan Vasilyevich (V.A. Sollogub's "The Tarnatas" and the Problems of Noble Education in Russian Fiction in the First Half of the 19th Century)]. Report Made at the Conference *Interpreting Modernism in Literary Texts*. 28–29 September 2016.
39. Obolenskaya, S.V. (1999) Russkie i evropeytsy. Poiski russkoy natsional'noy identichnosti u Dostoevskogo [Russians and Europeans. The Search for Russian National Identity in Dostoevsky]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii. Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikatsii, 1998* [Odysseus: Man in History. Personality and Society: Problems of Self-Identification, 1998]. Moscow: Nauka.
40. Danilova, N.Yu. (2011) *Dialog "svoego" i "chuzhogo" v khudozhestvennom mire N.S. Leskova (na materiale proizvedeniy 1860–1880-kh gg. ob inostrantsakh i inorodtsakh)* [Dialogue of "Us" and "Them" in the Artistic World of N.S. Leskov (Based on the Works of 1860s–1880s About Foreigners and Non-Russians)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
41. Verlag von F. Däniker. (1853) *48 Werkstätten von Handwerkern und Künstlern oder Schauplatz des bürgerlichen Gewerbefleißes*. 2. Aufl. Zürich: Verlag von F. Däniker.
42. Zenkevich, S.I. (2005) Nemtsy v izobrazhenii N.S. Leskova: povest' "Ostrovityane" [The Germans by N.S. Leskov: The Story "The Islanders"]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [The Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Izd. Rostok. pp. 331–338.
43. *Nov'*. (1886) 7.
44. Bukhshtab, B.Ya. (1958) Primechaniya [Notes]. In: Leskov, N.S. *Sobranie sochineniy v odimadsati tomakh* [Collected Works in Eleven Volumes]. Vol. 7. Moscow: GIKhL.
45. Porshneva, O. (2014) Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 79–93.

Received: 02 December 2019